

Сюй Сяочжэнь снова и снова повторял:

— Чжоу Янь умер...

— Чжоу Янь умер...

— Чжоу Янь умер...

Словно вместе с этими словами из него вытекала последняя жизнь. Внутри — пустота, звенящая и холодная, как пустой барабан.

Юань Нанань, тот самый, что в Восемнадцатом секторе ловко разводил людей на деньги, сейчас не мог выдавить ни одного внятного слова. Его губы дрогнули, но получилось только хриплое:

— Держись...

Они оба — из тех, кто родился в нищете и заброшенности. Повезёт, если родители хотя бы живы. Ещё больше повезёт, если они не пьют, не колются и не играют всё, что есть. Но чаще всего — сироты. Живёшь, как получится: дожить бы до совершеннолетия, ухватиться за любую работу, найти кого-то «более-менее», жениться, родить пару-тройку детей и умереть — рано, от бедности или по глупости. А дети — идут той же дорогой.

Таков Восемнадцатый уровень. Как крыс в подвале: один сдох — из щели уже лезут другие. Никто не спросит, был ли у тебя близкий человек. Был ли у тебя вообще кто-то.

Они живут во тьме. И если кто-то, хоть ненадолго, согреет — это уже настоящее счастье.

Как Юань Нанань держался за свою сестры, так и Чжоу Янь стал для Сюй Сяочжэня тем, кто заменил погибшего брата — Шэнь Ле. Он стал якорем.

И когда Юань Нанань представил, что его сестру может не стать... он понял: сойдёт с ума. И никакие слова тут не спасут.

Он просто крепко обнял Сюй Сяочжэня.

Но тот — хрупкий, вымотанный, словно пустой — вдруг вывернулся. Будто откуда-то внутри взял остаток сил. Вытащил нож. Целью был он сам.

Юань Нанань застыл от ужаса. Резко схватил его за запястье:

— Ты сдурел?! Совсем жить не хочешь?! Даже если Чжоу Янь умер — ты тоже должен?! Что, всей компанией в ад собратыя решили?!

Глаза Сюй Сяочжэня налились кровью, дыхание сбилось, лицо побелело до синевы:

— Это... я виноват... Я перешёл дорогу Чэнь Исуну... Я его втянул... Он бы остался жив, если бы не я...

У Юань Нананя на скулах вздулись жилы. Он многим был обязан Сюй Сяочжэню. Благодарен за его безграничную доброту — и одновременно злился за неё. За эту безотказную, болезненную, слепую доброту.

— И что теперь?! — сорвался он. — Да он тебе жизнью обязан! Без тебя давно бы сдох в какой-нибудь мусорной яме! Теперь умер — и всё?! Если бы не ты, от него даже костей не осталось бы! Он тебе должен, понял?! ДОЛЖЕН!

— Это не об этом... — выдохнул Сюй Сяочжэнь. — Я его люблю.

— Любишь?! — Юань Нанань смотрел на него так, будто хотел встряхнуть до потери сознания. — Он с тобой как с грязью обращался! Что ты в нём любишь, а? Тебе мозги кто заменил — сальный жир?! Да ты бы, выходит, если бы тогда вместо него из помойки свинью вытащил, и её бы полюбил?!

Он впился в Сюя взглядом, отчаянно надеясь хоть как-то выбить из него это наваждение. Заставить его — жить. Голос стал мягче, почти уговаривающим:

— Это не любовь. Это просто одиночество. Ты слишком долго был один и перепутал. Это не любовь, это страх снова остаться одному.

Но Сюй Сяочжэнь больше ни на что не реагировал. Ни на крик, ни на доводы. Свет в его глазах потух. Он уже всё решил. Умереть.

Все эти попытки вырваться из Восемнадцатого округа, мечты о другой жизни, обо всём “потом” — больше не имели значения. Был только Чжоу Янь. И теперь, когда его нет — больше не было смысла.

Они уже сцепились, пытаясь отобрать нож, когда вдруг его тело дёрнулось — и из него вырвался судорожный спазм. Он срыгнул всё, что съел за последние дни: кислое, гнилое, несварившееся. Запах наполнил комнату — тяжёлый, тухлый, почти нестерпимый.

Он шатнулся, всё ещё с ножом в руке, потерял равновесие и рухнул на пол.

Лицо у него было страшным: синюшное, с бледными прожилками под кожей, губы потемнели, почти почернели. Юань Нанань бросился к нему, хлопал по щекам, наклонился, проверил дыхание — еле-еле. Почти не чувствуется.

Он стоял над ним, колебался. Минуту. Две. А потом сжал зубы. Вспомнил, как Сюй Сяочжэнь однажды вытащил его сестру Сосу из такой же ямы — и пошёл. Нашёл на карте ближайшую дешёвую клинику, закинул его себе на спину и понёс.

Клиника ютилось в самом конце тёмного переулочка. Потёртая вывеска висела криво, на стене — пожелтевшая, давно просроченная лицензия.

Сюй Сяочжэнь почти был уверен: всё, конец. На этот раз — точно. Когда он открыл глаза, первым, что увидел, был облупившийся жёлтый потолок, в пятнах плесени. Похоже, больница.

Он прикрыл глаза обратно. Почти про себя прошептал прощальные слова.

Но Юань Нанань не дал ему исчезнуть. Подошёл, развернул ему голову, большим пальцем приподнял веко. Сюй Сяочжэнь увидел его лицо — встревоженное, сосредоточенное, с зажатыми челюстями.

— Слушай...

— Прости, — перебил его Сюй Сяочжэнь. Подумал, что сейчас пойдёт разговор о его секрете. Наверное, Нанань узнал. Что он — омега. Что ж... всё равно. Он почти умер. Какая теперь разница — узнает он или нет?

Он не был уверен, за что именно просит прощения, но всё равно сказал:

— Прости.

Юань Нанань посмотрел на него в упор:

— Знаешь... врач сказал, что у тебя в животе что-то растёт. И уже довольно крупное.

Он помолчал и добавил тихо:

— Может, тебе и не надо себя убивать.

Ты и так долго не протянешь.

Он встал, направился к двери, обернулся:

— Сделаешь УЗИ?

Сюй Сяочжэнь сначала опешил. Потом быстро понял. В глубине души он давно подозревал: что-то в нём не так. Наверное, опухоль. Теперь всё стало ясно. Он просто кивнул. Да. Похоже, теперь точно ясно.

Раньше, если бы он узнал, что болен, это стало бы для него трагедией. Он боялся умирать. Не хотел оставлять Чжоу Яня. Не знал бы, как попрощаться, что сказать напоследок.

Но теперь... это даже удобно.

Он покачал головой:

— Всё равно умирать. Тратить деньги ни к чему.

Сюй Сяочжэнь слез с кровати и пошёл платить по счету.

Медсестра на ресепшене дремала, посчитала полусонно:

— Гастрит, глюкоза, физраствор, койко-место — шестьдесят шесть. Лучше бы вам в нормальную больницу. Мы тут ничего толком не диагностируем.

Он отказался. Повернулся, попрощался с Юань Нананем.

Тот смотрел на него, как на живой призрак. Сначала потерял родных. Потом — любимого. А теперь — и сам не жилец. Он сунул в карман Сюй Сяочжэню пригоршню мелочи — за всё, что тот сделал для его сестры. И проводил взглядом, полным жалости, когда тот, пошатываясь, ушёл.

— Пей тёплую воду, — пробормотал он. — У тебя же гастрит. Не ешь испорченное.

Сюй Сяочжэнь пролежал в больнице почти весь день. К моменту, когда он добрался домой, улица уже тонула в темноте.

Он не стал заходить. Просто встал у двери.

Дом — чёрный, как провал. Ни одного огонька.

А ведь Чжоу Янь терпеть не мог темноту. Сколько бы ни ругался, всегда включал свет во всех комнатах.

Он несколько раз промахивался мимо замочной скважины, прежде чем попал. Провернул ключ. Открыл. Прошептал:

— Я дома.

Пусто. Никто не сидел за столом, подперев щеку, не смотрел лениво, не фыркал: «А, ты вернулся...» — с укоризной за очередную дурацкую выходку.

Не было нужды тащить домой конфеты, фрукты или чипсы — чтоб устроить милую сцену.

Все эти дни Сюй Сяочжэнь не проронил ни слезинки. Но сейчас... они вырвались разом.

Он включил весь свет в доме. Достал из шкафа все вещи Чжоу Яня. Упал в эту грудку одежды, свернулся, закрыл глаза.

Одежда всё ещё пахла им. Этот запах — как иллюзия, будто Чжоу Янь рядом.

Он думал, станет легче. Как будто он вернулся. Но стало только хуже.

Среди вещей была сиреневая рубашка. Натуральный шёлк. Самая дорогая. Скользкая, холодная на ощупь.

Для Сюй Сяочжэня она была за пределами доступного. Но в тот день Чжоу Янь был в ней — невероятно красивый. Эта рубашка словно была создана специально для него. Никто другой не носил бы её так, как он.

Он прижал щеку к ткани. Та быстро темнела от слёз, всё глубже, всё сильнее.

Он жалел, что в последний день не был с Чжоу Янем добрее.

Он знал — тот капризный, эгоистичный, требовал к себе всё внимание, не терпел ни малейшего пренебрежения. А он... он тогда решил, что учёба важнее, что Чжоу Янь должен понять, что нельзя так себя вести. Решил проучить его.

Почему? Почему нельзя было просто обнять, промолчать, быть рядом?

Почему надо было наказывать?

Сюй Сяочжэнь уткнулся лицом в одежду и зарыдал в голос. Он ненавидел себя. Он подвёл Чжоу Яня.

Он рыдал так долго, сжавшись в комок в груди одежды, что в какой-то момент просто потерял сознание от нехватки воздуха. Но вскоре снова очнулся — и снова начал тихо всхлипывать. Потом снова сорвался на крик, вновь упал в обморок.

Так и жил: плакал — терял сознание, приходил в себя — снова плакал. Лишь когда желудок начинал скручиваться от боли, он отпивал немного питательной смеси. Затем снова замирал на кровати, без движения.

Ждал, пока опухоль в животе вырастет и тихо заберёт его.

На третий день, дотянувшись до стены, он поплёлся в туалет за водой. И вдруг, в мутном зеркале, увидел своё отражение.

Он и раньше был худой, но теперь казался иссохшим скелетом. Пальцы — тонкие, как птичьи когти, сквозь кожу проступали кости и сухожилия. Сжал кулак — и кости побелели, как фарфор.

Волосы спутались, слиплись в колтуны. А лицо... когда он поднял глаза и взглянул на себя — ему показалось, что он увидел призрак.

Он исхудал везде, кроме живота.

Живот округлился. Чужой изгиб на фоне угловатой, рёберной клетки.

Он повернулся боком, поднял рубашку. Тело — как обрубок, но под грудной клеткой талия расширилась почти вдвое. Она выглядела... почти округлой.

Опухоль росла быстро. Казалось, совсем скоро она выполнит своё дело и заберёт его.

Сюй Сяочжэнь потрогал выпуклость на животе. Не болит. Не зудит. Даже не мешает — будто просто сидит там и растёт.

Он поглаживал её, прикидывая размер: с кулак? С драконий фрукт? А может, уже с дыню?

И вдруг опухоль... пошевелилась. Под его пальцами кожа поднялась маленьким бугорком — и сразу втянулась обратно.

<http://bllate.org/book/14462/1279139>